

Л. Ю. Логунова

ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

При исследовании проблем социальной семейно-родовой памяти возможны различные ошибки, которые допускают респонденты старшего возраста, вспоминая события прошлого, и которые необходимо учитывать при интерпретации эмпирического материала.

A study on the problems of social family-genetic memory may contain various mistakes made by senior respondents when recalling events of the past. The analysis of empirical data should take into account such memory-related mistakes. The interpretation of empirical data requires a special approach.

Ключевые слова: качественные исследования, нарративные интервью, социальная память, семейно-родовая память, социально-культурная травма.

Key words: qualitative research, narrative interview, social memory, family-genetic memory, a welfare trauma.

Качественные исследования требуют от социолога высокой культуры работы с эмпирическим материалом, в котором находит отражение глубоко личностное восприятие мира респондентами. В распоряжении исследователя оказываются уникальные данные о социальном опыте и повседневных практиках людей. «Они являются объектами переживаний, ощущений или деятельности, мыслительных или практических действий членов... социальных групп» [1, с. 106]. Такие данные мы получили в результате исследования процессов функционирования семейно-родовой социальной памяти сибиряков. В 2000–2007 гг. нами был собран обширный эмпирический материал, позволяющий реконструировать семейные истории сибирских родов на основе нарративных интервью с использованием методов социальной генеалогии. В исследовании применялся методологический принцип «из мира следствий – в мир причин». Всего было записано и обработано более 600 семейных историй сибиряков. Каждая из них содержала информацию о судьбах семей боковых родственных линий 1609 человек. Техническую помощь в исследовании нам оказывали студенты Кемеровского государственного университета культуры и Кемеровского государственного университета.

Исторические процессы, сохранившиеся в семейно-родовой памяти, были рассмотрены с точки зрения исторической и культурной травмы (П. Буа, П. Штомпка): там, где социальное пространство функционировало нормально, люди помнят все, что было с прадедами и прабабушками, а там, где оно исказилось, – не могут вспомнить даже о родителях.

Среди факторов, влияющих на процессы такого искажения, мы выделяем события, связанные с реакцией населения Сибири на политические изменения в российском обществе начала XX в.

При анализе эмпирического материала определилась методологическая проблема: возможная неточность информации из-за несовершенства и ошибок памяти, мифологизации, сознательного искажения событий прошлого. К этим неточностям добавляют также умолчания о неприятных событиях или «неудобных» родственниках, которые вредят семейному имиджу. Н. З. Дэвис считает, что такие факты возможны из-за своеобразной семейной солидарности, когда люди «выбирали, что забыть, а что рассказать детям так, чтобы не повредить репутации семьи и ее интересам» [2, с. 234]. Вместе с нарративами мы анализировали «личные» документы из семейных архивов, которые иллюстрировали и подтверждали факты семейных историй, помогали интерпретировать данные.

Практика показывает, что исследователь сталкивается не только с типичными ошибками памяти, но и с добросовестными заблуждениями респондентов, с плодами их воображения, фантазиями. Почему люди, вспоминая прошлое, фантазируют? Какие условия и институты заставляют людей вырабатывать новые смыслы, забывать события, ошибаться и верить в свои ошибки? Как профессионально относиться к возможным неточностям информации? При анализе эмпирических материалов нужно учитывать следующее:

1. Искажения информации могут быть предметом научного осмысления: исследователь получает возможность изучить социально-культурные особенности, которые стоят за искажением факта. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником, даже когда «проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [3, с. 5]. Личные документы прошлого сегодня воспри-

нимаются с точки зрения способности не столько отражать историю, сколько интерпретировать ее.

2. Умолчания и неточности самоценны, они исследуются как социальный феномен восприятия людьми исторического события. Ф. Знанецкий заметил, что если для историка или психолога неточности могут считаться источником ошибочной информации, то для социолога — это материал для изучения. Если респондент «лукавит», описывая чувства и эмоции, отличные от тех, которые он действительно испытал в определенной ситуации, то социолог видит в этом активное проявление желаний, стремлений человека. Вербальная формулировка желания уже есть, как минимум, его отрицательная реализация. «Мы не можем говорить, таким образом, об истинных или неистинных утверждениях, поскольку утверждение — это факт, имеющий только то значение, которое вкладывал в него автор» [4, с. 108]. Именно эти значения и анализируются.

3. При получении информации исследователь не должен искать ошибки и указывать на них. Его задача — выяснить причины появления искажений в семейно-родовой памяти. Неприятные, вытесненные из памяти события не образуют разрыва или пустот в ткани социальной памяти. Рассказчики заполняют «разрывы» мифами, похожими или вымышленными ситуациями. Это происходит тогда, когда событие уже свершилось, а его принятие, осмысление не состоялось, т.е. включается механизм самооправдания, при котором прошлое, даже забытое, не покидает подсознательных действий человека, оно начинает замещать настоящее, продолжается в иной временной ипостаси. Важно отличить мифы от реальности, понять, как они формируются, что стало причинами их появления. Социальную семейно-родовую память, таким образом, можно изучать с точки зрения мифотворческого механизма.

4. Анализируя эмпирический материал, следует учитывать факторы, которые повлияли на искажения в семейно-родовой памяти. Идеологический фактор ориентировал на «правильность» восприятия события. Фактор страха заставлял забывать «неудобных» родственников, близость с которыми могла повредить социальной карьере или благополучию членов семьи. Это реакция на шок выразилась в виде своеобразной заботы о потомках («пусть они никогда не испытают того, что пережили мы»).

Фактор давления социальных институтов, которые могли отдать приказ «забыть» смерть родственников, родной язык, изменял и имена в документах. Решения власти — внешнее силовое давление, особенно по отношению к дискриминационным, ущемленным и непрестижным категориям населения. Принуждение репрессивного типа изменяет социальное поведение людей, является травмирующим фактором, который оставляет следы в социокультурной ткани, искажает пространство социальной памяти. Травмирующее действие заключается в формировании ложных (стыдливых или героических) представлений о реальности. Неприятности, связанные с событием, могли быть вытеснены из памяти, пустоты заполнились мифами. Фактор случая действовал тогда, когда уничтожались все документы, придумывалась семейная легенда (миф). Особенно серьезная ситуация возникала у воспитанников детских домов, которым семейно-родовая память «отрезана» насильственно. В таких ситуациях люди могли придумать себе историю, чтобы не выглядеть ущербными в глазах окружающих.

5. Материалы качественных исследований уязвимы также с точки зрения верификации данных. Эту проблему мы старались решить с помощью применения метода перекрестной триангуляции (Н. Дензин) [5, с. 11]. Аналогичный процесс верификации данных в нашем исследовании опирался на сравнение текстов интервью с независимыми источниками, которые в эмпирической базе сформировали вспомогательную группу материалов: переписка с родственниками, которые подтверждали факты семейных событий; документы из семейных архивов; данные исторической литературы, связанные с событиями, происшедшими на территории Сибири (приказы, правительственные документы, личные документы, хранящиеся в архивах). Сравнение трех типов материалов позволило реконструировать «жизненные стратегии» сибиряков в экстремальных ситуациях (раскулачивание, депортация, депривация) с учетом возможных ошибок памяти.

Итак, помещенный в центр исследования человек почтенного возраста повествует о событиях жизни своих родственников претенциозно, не всегда искренне, в шаблонах своего поведения видит исключительность, не обращая внимания на сотни похожих линий жизни. События ему видятся по-другому, возможны ошибки, «провалы памяти», искажения реальной картины событий. То, что люди вспоминают в первую очередь, как правило, более значимо для них, чем все то, что всплывает в памяти в конце рассказа. Но именно этим и ценна информация, дошедшая до нас в воспоминаниях старших родственников. Задача исследователя — восстановить контекст жизни и ее социальный смысл, творчески анализируя причины тех или иных искажений

информации, выяснить, с чем связана значимость в личностно-семейном аспекте первоочередных и последующих воспоминаний.

Прошлое оставляет после себя энергетическое поле социальной памяти. Этими энергетическими метками наполнено настоящее. История начинает выглядеть не простой чередой событий, а окрашивается личностно значимыми переживаниями, становится человечнее, а поэтому правдивее, реальнее. Именно так историю видят люди в настоящем, с этих позиций они будут рассказывать своим потомкам о прошлом. Поэтому самым интересным в будущем становится прошлое, рассказанное старшим поколением, пусть даже с искажениями памяти. Через эти искажения исследователь и доберется до истины.

Список литературы

1. *Знаецкий Ф.* Мемуары как объект исследования // Социс. 1989. №1. С. 106.
2. *Дэвис Н.З.* Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейной жизни во Франции начала нового времени // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 234.
3. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): препринт WP6/2003/07. М., 2003. С. 5.
4. *Знаецкий Ф.* Мемуары как объект исследования // Социс. 1989. №1. С. 108.
5. *Denzin N.* The research act in sociology. L, 1970. P. 11.

Об авторе

Л.Ю. Логунова — канд. соц. наук, доц., докторант кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, e-mail: vinsky888@mail.ru

Author

Dr. L. Yu. Logunova, postdoctoral student at the Department of Sociological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, e-mail: vinsky888@mail.ru